

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О КНИГЕ Е.Ю. ПОЛТАВЕЦ «МИФОПОЭТИКА “ВОЙНЫ И МИРА” Л.Н. ТОЛСТОГО»

С.В. ГЕРАСИМОВА

Московский политехнический университет

Е.Ю. Полтавец «Мифопоэтика “Войны и мира” Л.Н. Толстого». Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. – 216 с.

В наше время одной из наиболее влиятельных концепций, раскрывающих взаимоотношения мифа и литературы, остается концепция Е.М. Мелетинского. Если Лев Толстой – победитель Наполеона (по Д.С. Мережковскому), то, по Е.М. Мелетинскому (в принципе согласному в этом вопросе с Мережковским), Толстой – еще и разрушитель мифов. Толстовская «Война и мир», согласно этой точке зрения, развенчивает не только наполеоновский миф, но и миф о герое. Не находит ученый в толстовском произведении и ключевой для мифа оппозиции хаоса и космоса: «...В русской литературе XIX в. существовали весьма выдающиеся писатели с проблематикой большого масштаба, но слишком далекие от интересующих нас архетипов... Чтоб подчеркнуть это, укажу на один пример – на Льва Николаевича Толстого, в частности, как автора “Войны и мира”» [2: 127]. Однако нельзя не видеть, что такое сведение задачи мифопоэтического исследования к поискам в тексте примеров сознательного мифологизирования или отказа от мифологизирования (т.е. того же с обратным знаком) редуцирует мифопоэтический комментарий до простых отсылок к генезису мифологической образности. С этой точки зрения мифопоэтическое исследование «Войны и мира», действительно, оказывается малопродуктивным, т.к. мифологических имен и сюжетов, представленных эксплицитно, в толстовском произведении не много.

В монографии **Е.Ю. Полтавец «Мифопоэтика “Войны и мира” Л.Н. Толстого»** (Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. – 216 стр.) предлагается принципиально противоположный подходу Мелетинского взгляд на мифологизм «Войны и мира». Антинаполеоновский и антимилитаристский смысл великой книги видится автору монографии отнюдь не порождением демифологизации, а напротив, закономерным следствием глубокой и органичной реставрации мифологических фабульно-образных моделей, их архетипной основы.

Традиционно романы Льва Толстого превозносят за «социальный историзм», не исключая из этого ряда книгу «Война и мир», при этом мало принимая во внимание ее фантастичность и направленность на фальсификацию истории (просьба не воспринимать слово «фальсификация» в негативном

плане, т.к. Толстой, как известно, не рассматривал «Войну и мир» ни как хронику, ни как исторический роман, предлагая свое видение и наполеоновских войн, и миссии России в мире). В своей монографии Полтавец следует за толстовским определением жанра «Войны и мира» («книга», «писание») и предлагает новый взгляд на мифопоэтическую систему «Войны и мира», основанный на мотивном анализе произведения.

В функциональном анализе мифо- и ритуалопоэтики «Войны и мира» автор монографии опирается не только на теории ритуально-мифологической школы (М.Бодкин, Н.Фрай), но и на мифореставрационный метод С.М. Телегина [3], позволяющий распознать мифологические фабулы и модели, являющиеся в «Войне и мире» имплицитными, но имманентно присущими этому произведению, ключевыми, определяющими основы сюжетных линий и образности.

Так, в монографии рассматривается система мифологических и библейских мотивов «Войны и мира», что приводит автора к убедительному выводу о том, что жанрово-композиционной моделью для Толстого явился не столько древний эпос (например, гомеровская «Илиада»), сколько сакральные тексты, и прежде всего Священное Писание. В монографии проанализирована антропонимическая система книги Толстого, с одной стороны, восходящая к Новому Завету (имена центральных персонажей: князь Андрей, Пьер, княжна Марья) и, разумеется, апокрифически видоизмененная, а с другой – отсылающая к лабиринтному мифу (Телянин), к троянскому мифу (Элен), к платоновской интерпретации греческой мифологии (Платон Каратаев), к поэтике былин (Данила), к традициям христианской агиографии (Наташа Ростова, маленький сынок молодых Николая и Марьи Ростовых – Митя Ростов).

Значительное место отводится рассмотрению ритуалореставрации, т.е. скрытых проекций текста на архаические миротворческие, любовные, гадательные, охотничьи, погребальные, календарные и прочие обряды. Так, раскрывается образный код архаического ритуала «хождения по меже» (к меже на Бородинском поле подходит князь Андрей именно в тот момент, когда рядом с ним падает граната), магических действий Болконских с зажиганием свеч и закрыванием дверей, толкования «теллурического шепота» дуба, созерцания неба, шитья и обвязывания одежды Каратаевым и т.д. Разумеется, ни действия эти, ни онейротопика, отсылающая к баптистерию или, например, к ритуальному спарагмосу, не комментируются ни автором, ни персонажами как ритуальные, и не только потому, что для ритуала характерно «табуирование вербальной деятельности» [5: 22], но и в силу бессознательной творческой мобилизации глубинных архетипических структур.

В своей работе Полтавец настаивает на понимании прагматики «Войны и мира» как направленности на преодоление кризисной, лиминальной ситуации, ситуации хаоса распавшегося мира. В монографии показано движение главных героев и всего «завалившегося» мира к космическому и одновременно христианскому синтезу. Подчеркивается усиление роли евангельских концептов «птица небесная», «Отец», «Сын» по мере приближения к катартическому финалу, а также возрастание значения новозаветной цита-

ты и реминисценции. Историческая основа (повествование о прошлом, об эпохе наполеоновских войн) в «Войне и мире» совмещена, согласно прочтению Полтавец, с главным для Толстого: объяснением настоящего и будущего, причем не только России, но и всего мира. Эта мысль, сама по себе в толстоведении отнюдь не новаторская, актуализируется в рассматриваемой монографии именно как доказательство не только возможности, но и необходимости рассмотрения книги Толстого в аспекте мифа, неотъемлемой чертой которого является указание на итеративность событий, из которой следует их предрешенность в мифологическом времени и пространстве. С этой точки зрения бред князя Андрея в Мытищах есть воспроизведение вишнуистского мифа о восстановлении разрушившегося мира, а, допустим, сон Николеньки Болконского в «Эпilogue» проецируется на архетипную ситуацию Гефсиманского моления.

Мотивный анализ «Войны и мира» в монографии предлагается в рамках понимания мотива по-гаспаровски [1]; мотив рассматривается как повторяющийся смысл и как манифестант концепта. Так, в тесной связи с мифом проанализированы мотивы пряжи, границы, двери, дерева, неба, воды, камня, ягод, насекомых, стереометрических форм, сакральных чисел. В разделе о танатопэтике развернуто концептуальное, хотя и небесспорное рассмотрение до сих пор не решенного и, в общем, в огромной степени даже не поставленного в «войнамиростике» вопроса о соотношении эпизодов «ухода» князя Андрея с общей религиозной концепцией непротивления злу насилем, которая уже в период «Войны и мира», а не только после, была краеугольным камнем учения Толстого.

Монография о мифопэтике одного из величайших произведений мировой литературы, о роли мифа в книге, которая всегда считалась вершиной реализма, подтверждает, что «мифологическая образность и структура мифосознания всегда используются реалистическим романом для создания или подтверждения своих конфликтов», как пишет С.М. Телегин [4: 25]. Подтверждая это, Полтавец показывает в своем исследовании, что мифологичность формы связана в «Войне и мире» с христианским содержанием.

Первопроходческую работу исследовательницы можно упрекнуть в импрессионистичности и (это относится к некоторым частным заключениям) в приоритете инсайта перед доказательностью. Осознавал ли автор «Войны и мира» столь тесную, по мысли Полтавец, соотнесенность своего творения с мифом и ритуалом? Но вспомним, что современная наука о литературе исходит из принципа: «смысловые потенции текста далеко выходят за пределы того, что имел в виду его создатель» [6: 188]. И дело здесь не сводится к односторонней концепции рецептивной или какой бы то ни было периферийной теории эстетики. Толстой вполне осознавал сотериологическое назначение своего произведения и ориентировался на сакральный текст, стало быть, мы вправе углубляться в функциональный анализ мифопэтики его великого творения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1993. – 304 с.

2. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. – 136 с.
3. Телегин С.М. Ступени мифореставрации. Из лекций по теории литературы. М.: Спутник+, 2006. – 376 с. И другие работы.
4. Телегин С.М. Русский мифологический роман. М.: Спутник+, 2008. – 352 с.
5. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. – С. 7 – 60.
6. Цурганова Е.А. Герменевтика // Современное зарубежное литературоведение. М.: Интрада – ИНИОН, 1999. – С. 185 – 192.

Ե. Յու. Պոլտավեցի «Լ.Ն. Տոլստոյի “Պատերազմ և խաղաղություն” վեպի միֆոպոետիկան» գրքի մասին

Ս.Վ. ԳԵՐԱՍԻՄՈՎԱ

Մոսկվայի պոլիտեխնիկական համալսարան

Е.Ю. Полтавец. «Мифопоэтика “Войны и мира” Л.Н. Толстого». – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 216 с.

About the book of E.Yu. Poltavets “Mythopoetics of L.N. Tolstoy’s *War and peace*
S.V. GERASIMOVA

Moscow Polytechnic University

Е.Ю. Полтавец «Мифопоэтика “Войны и мира” Л.Н. Толстого». – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 216 с.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 апреля 2017 г., подписана к печати 26.12.2017 в номер 1 (110) / 2018.